

“Малиновки слышат голосок...” “Рязанская мадонна — российская звезда...” “Шаги, шаги, по траву, по траву, по белым облакам, по синеве...” Кто из нас, услышав эти строчки, не начнет тут же подпевать? В гостях у “Российской газеты” их автор — поэт Анатолий Поперечный. Уже не один десяток лет страна поет его песни, а ему самому исполнилось шестьдесят пять.

— Анатолий Григорьевич, как становятся поэтами-песенниками?

— Сразу хочу уточнить: я не поэт-песенник, я поэт. Просто стихи мои иногда становятся песнями. Причем первая песня стала известной, когда я был уже признанным молодым поэтом. Обо мне тогда в газетах писали, вышли книги стихов “Полнолуние”, “Червонные листья”...

А задолго до этого известный композитор Александр Павлович Долуханян встретил меня, еще начинающего поэта, как-то в вестибюле Центрального Дома литераторов и говорит:

— У вас есть стихи “Солдатка”: “Рязанская мадонна — российская звезда”. Я хотел бы написать на них музыку, но назвать песню не “Солдатка”, а “Рязанские мадонны”, и с вашего разрешения предложить ее Людмиле Зыкиной.

Первая запись песни была не слишком удачная, сама Зыкина не очень-то в нее верила. Но потом во Франции, в Марселе, она спела “Рязанские мадонны” перед очередной волной русских эмигрантов, песня имела у них огромный успех — люди бежали, провожая ее до порта.

Возвратившись домой, Зыкина записала песню заново, та запись стала знаменитой, и саму Зыкину уже называли “Рязанской мадонной”.

Я получал письма из разных городов страны, в которых женщины писали: “Вы угадали мою судьбу. Я тоже проводила мужа, живу одна...” Это были ростовские, курские, витебские мадонны... Песня стала судьбой. Она меня сподвигнула и дальше писать для эстрады. Хотя коллеги упрекали: “Толя, ты же от поэзии уходишь...”

Потом была песня “Шаги” (в ней поется о выходе космонавта Леонова в открытый космос), потом “Романтика”, которую пели и Трошин, и Кобзон, и Хиль. “Романтика” столько славных дорог позади. Ты — Сибирь моя, ты — Галактика, на тревоги меня поэты...”

— Любое стихотворение может стать песней?

— Нет. Александр Трифонович Твардовский не раз говаривал Михаилу Васильевичу Исаковскому: “Я мечтаю написать песню, но, наверное, мои стихи не столь песенны, как твои”. Такому большому русскому поэту, как Твардовский, песни не удавались. А вот что ни писал Исаковский — от “Катюши” до “Летят перелетные птицы” — все ложилось на музыку.

— В отличие от литературы, где в первую очередь включается разум, песня — это эмоции. Люди или любят их, или не любят. Что чувствует при этом автор?

— Песня “Соловьиная роща” на музыку Давида Тухманова в исполнении Льва Лещенко облетела весь мир, но я поверил в нее только тогда, когда одна слуша-

тельница написала письмо на радио. Жизнь у нее не сложилась, решила покончить счеты с жизнью. Пошла на Волгу, чтобы, как Катерина из “Гро-

щенную передышку во время боя на войне. Моя мама работала медсестрой санитарного эшелона. Я был совсем маленьким, но помню и бомбежки, и стенания раненых. Эти воспоминания пришли из детства, как и “Рязанские мадонны”. Так появилась песня “У полустанка”: “Ночные поезда у полустанка припомнили сожженные мосты, и медленное-медленное танго как будто бы плывет из темноты”. ...Шульженко замечательно исполнила эту песню. Но поэт Константин Ваншенкин, с которыми у меня сейчас хорошие отношения, вдруг ругнул эту песню в газете “Правда”, назвав ее жестоким романсом. Но правда песни пережила и критику, и время, и до сих пор звучит по заявкам слушателей.

то мы гуляли с одним актером. И на одной подмосковной станции утром пошли пивка выпить. Мой приятель сказал мужикам, что возле магазина собрались: “А вы знаете, кто это такой? Поэт, который написал “Соловьиную рощу”. И тут какой-то дядя ко мне подходит — суровый, большой такой и начал нас отчитывать: “Это наша песня, народ-

Приехал как-то из Ленинграда Саша Морозов: “Давно хочу написать с тобой какую-то хорошую песню”. И мы буквально на кухне начали сочинять с ним “Малиновый звон”. Сидели, что-то брнчали под гитару. И я напевал, и он. Так, можно сказать, в домашних условиях, родился “Малиновый звон”.

Такой композитор, как Ян Абрамович Френкель, очень тонко чувствовал поэзию и требовал, чтобы в стихах присутствовали движение души, мысль.

А Мартынов, например, сначала сам сочинял музыку, а потом просил ее как бы подтекстовать. Наша с ним песня “Белая сирень” сложилась именно так. Сочиняли и “под исполнителей”. “Олесю” мы с Олегом Ивановым писали для ансамбля “Сябры”.

— Филипп Киркоров часто говорит, что вы его открыли как певца. Это правда?

— Когда он начинал петь на эстраде, ему никто не давал своих песен. Нас познакомили на фирме “Мелодия”

— подвели молодого человека — высокого, красивого — и представили как восходящую звезду. Я послушал его и сказал, что верю в него. Талант, как бы его ни сдерживали, все равно прорвется, но для этого, конечно, нужна яркая песня. Мы с Петром Теодоровичем дали ему несколько песен. И за одну из них — “Луна-парк” — Филипп получил премию в Болгарии.

— А “соцкаказы” у нас были?

— Да. “Наедине со всеми”. Предполагался молодежный фестиваль. Меня вызвали в Союз композиторов и велели написать песню к этому случаю. Я заперся на несколько дней у себя в кабинете и сочинил текст. Музыку писал Владимир Шаинский. Эту песню мы решили дать Валерию Леонтьеву. Потом он свою программу назвал “Наедине со всеми” и получил за нее премию Ленинского комсомола.

— Какие новинки услышат ваши поклонники?

— Сейчас выходят альбом “Обнимаю всех” — поет Алексей Булдаков и сборник стихов “Именины сердца”.

Беседовала
Татьяна СЕМАШКО.

Из души уходит прочь тревога

«Именины сердца» Анатолия Поперечного

Рос. газета. — 1999. — 3 дек. — с. 25

зы”, броситься в воду. Но вдруг из репродуктора услышала “Соловьиную рощу”: “Из полей уносится печаль, из души уходит прочь тревога. Впереди у жизни только даль — полная надежд людских дорога”. Мелодика строк что-то изменила в ее душе, и вместо отчаяния появилась надежда. Вот и оказалось, что песня может спасти человеческую жизнь.

Такая связь творчества с людскими судьбами порождает удивительное вдохновение.

— Неужели вас никогда не критиковали?

— Еще как! Критиковали даже такую песню, как “У полустанка” на музыку Евгения Жарковского в исполнении Клавдии Ивановны Шульженко, посвя-

— Кто-то из известных людей называл ваши песни любимыми?

— Когда впервые прозвучала песня “Шаги”, шел какой-то телевизионный конкурс. В жюри были космонавты, в том числе Юрий Гагарин. Я дремал у телевизора на диванчике, и тут меня растолкали мои близкие: “Смотри, твоя песня заняла первое место, сам Юрий Гагарин отдал ей предпочтение”. Она получила, образно говоря, “Космическую премию” и стала с тех пор широко исполняться.

Как-то мы с композитором Жарковским ехали на концерт Шульженко и зашли в магазин “Цветы” на улице Горького. Случайно встретили там Гагарина и пригласили на концерт Шульженко. А он и говорит: “Толя, а почему вы к нам в Звездный городок не приезжаете?” Я ответил, что принимаю это приглашение. А Гагарин сказал: “Шаги” — наша любимая песня, наш гимн”.

С этой песней связан и небольшой казус. В День Победы был концерт, на котором нас с космонавтом Леоновым попросили спеть песню “Шаги”, мы вышли на эстраду. Но я забыл слова, а он помнил. Благодаря Леонову мы спели песню с начала и до конца.

— Как к вам относились в те годы власти/предержащие? Вы получали награды?

— Наградами я не был унижен. Даже когда было 60 лет Союзу писателей и мне 50 — меня ничем не наградили. Думаю, потому, что всегда держался независимо, ибо мне нужно только признание народа. Хотя это признание чуть не обернулось ко мне обратной стороной — меня однажды чуть даже не побили за “Соловьиную рощу”. Как-

ная. При чем тут поэт?”

— Как вы работаете с композиторами? Кто из вас кого ищет?

— Это бывает по-разному. Возьмем, например, такую песню Владимира Мигули, как “Ничего не ведаю”. Он просто написал на мои стихи музыку, а потом уже позвонил: “Анатолий Григорьевич, послушайте, какая получилась песня”.

Потом мы ко Дню космонавтики написали песню “Трава у дома”. Я думал, что это будет однодневка. А песня уже звучит двадцать лет...

А вот когда я написал “Соловьиную рощу”, то решил, что музыку может сочинить только Давид Тухманов. Положил в конвертик стихи и послал ему. Через несколько дней ночной звонок. “Толя, приезжай, я написал песню”.

А вообще-то я редко к кому-то обращаюсь. Композиторы сами ищут. Звонят и известные, и неизвестные, молодые.

Поперечный Анатолий Григорьевич